

Наталья Панасенко

Одесса в биографии Марка Слонима

1 июня 1886 г. в Одессе состоялось бракосочетание выпускника юридического факультета ИНУ потомственного почетного гражданина Льва Марковича Слонима и дочери старшего помощника одесского раввина Индианы Исаевны Айхенвальд¹.

В этом браке родились два сына: в 1887 г. Владимир² и в 1894-м Марк.

В метрической книге раввината за 1894 г. есть запись о рождении в Одессе 23 марта у ППГ кандидата прав Льва Марковича Слонима и жены его, Индианы Исаевны, урожденной Айхенвальд, сына Марка.³ Но сам М. Слоним утверждает, что родился в Новгороде-Сиверском Черниговской губернии.⁴

Конечно, всякое бывает, но трудно придумать, зачем одесситке, у которой в родном городе семилетний сын, муж пока еще живет и работает в Одессе, ехать рожать куда-то в глухомань.

Имя Льва Марковича встречается в местных справочниках до 1896 г. Он неизменно значится служащим Консультационного бюро при одесском съезде мировых судей. В интервью радио «Свобода» Марк Львович рассказывал, что позже отец жил преимущественно в Туле. Он принял православие, был религиозным человеком, приезжал на Пасху и Рождество и водил сыновей в церковь. Умер в Петербурге в 1908 г.⁵

Брат, Владимир Львович, с семнадцати лет состоял в партии эсеров. «Влияние, которое он на меня оказывал, было совершенно явное, – рассказывал М. Слоним. – Имена эсеров, эсеровские книги – всем этим было наполнено мое отрочество».⁶ Товарищем брата назвал Всеволода Лебединцева.⁷

Все биографы отмечают, что мать М. Слонима – родная сестра критика Юлия Айхенвальда, тем самым наводя на мысль о влиянии. И сам Марк Львович говорил, что дядя заботился о том, чтобы племянник читал правильные книги (в первую очередь русскую классику). Но Юлий Айхенвальд, окончив университет в 1894 г., через год переехал в Москву. Таким образом, напрямую они могли контактировать только во время приездов дядюшки в Одессу, то есть эпизодически.

Однако в семье много читали. «У нас дома бывали писатели, – вспоминал Слоним. – Пришел, например, брат Короленко, посидел вечер, а на следующий день я уже читаю «Историю моего современника».⁸ Собственно писателей не назвал, но одно предположение напрашивается. С братом В.Г. Короленко, Илларионом, дружил Г.А. Яблочков, писатель сейчас забытый, а тогда высоко ценимый Горьким и Буниным. Кроме того, Георгий Алексеевич считался неблагонадежным и в 1905 г. высылался из города как прикосновенный к одесскому комитету с-р⁹, что добавляет вероятность знакомства его с Владимиром Слонимом.

Семья вообще была высококультурная. Марк с детства говорил по-немецки и по-французски. А в 1906 г. Индиана Исаевна на несколько месяцев (пока университет и гимназии были закрыты) увезла сыновей от волнений революции в Италию, где Марк освоил итальянский.

Повзрослев, М. Слоним вошел в комитет, занимавшийся организацией гимназических кружков самообразования, где изучали историю культуры, классовой борьбы, просто читали запрещенные книги. Марк Львович подчеркивал, что организацией кружков занимался именно он, а не брат, которого за это арестовали, так как «не предполагали, что 18-летний гимназист мог наделать столько шума».¹⁰

Однако в постановлении о заключении под стражу Владимира Слонима (от 21 декабря 1912 г.) фигурируют оба.

«По поступившим ко мне в августе месяце сего года секретным сведениям, среди учащихся старших классов некоторых одесских средних учебных заведений стали организовывать нелегальные кружки в составе пяти-семи человек каждый. <...>

Во главе организации стали: студенты Новороссийского университета 1) Александр Смирнитский и 2) Борис Зозулинский, окончившие гимназию: 3) Марк Львович Слоним, 4) Бенедикт Янкелев Наливайский, ученики гимназий: 5) Казимир Зеленовский и 6) Соломон Гандлер.

На квартирах этих лиц устраивались собрания, на которых читались сочинения Герцена, Михайловского и др., а также появлялась нелегальная литература.

Слоним и Наливайский вскоре уехали продолжать образование за границу, и во главе всей работы стал брат первого, помощник присяжного поверенного Владимир Львович Слоним. <...>

Владимир Слоним, ознакомившись подробно со всей организацией и связями, начал проявлять особенно интенсивно свою преступную деятельность <...>.¹¹

Сегодня трудно определить долю участия каждого, важнее, что Владимир сумел отвертеться, 13 февраля его освободили. А Марк «подлежал привлечению в числе других лиц к расследованию в порядке Положения о государственной охране, но как находившийся в то время за границей <...> арестован не был».¹²

М. Слоним, окончив в 1912 г. с серебряной медалью 3-ю одесскую гимназию¹³, поступил на филологический факультет Королевского института высших наук во Флоренции, где проучился почти три года («сдал надлежащие полукурсовые экзамены»)¹⁴.

Именно там началась его профессиональная литературная деятельность: он переводчик и редактор во флорентийском издательстве, публикуется в итальянской прессе и в «Одесском листке». Об этом подробно пишет Стефано Гардзонио.¹⁵

А вот дальше Слоним говорит, а с его слов повторяют остальные, что, вернувшись из Флоренции, он поступил на четвертый курс петроградского университета.

Тут существенный пропуск.

Движимый патриотическими чувствами, Марк Львович приехал из Италии в 1915 г. в Одессу: его год подлежал призыву, и он хотел поступить на военную службу. (Потом говорил, что принадлежал к оборонцам.¹⁶) Оказалось, что на него есть «дело», а таких в армию не брали. Вдобавок – близорукость. Слонима записали в ратники ополчения 2-го разряда. Справка из городско-

го по воинской повинности присутствия датирована 1 апреля 1915 г.¹⁷ Уехать обратно во Флоренцию он уже не мог. Закон запрашивал военнообязанным выезд за границу.

С августа начались хлопоты о поступлении в ИНУ.

Продолжить обучение с четвертого курса было невозможно, так как семестры, зачтенные в заграничных университетах, в наших не считались. Учебу приходилось начинать с нуля.

А еще сохранялась процентная норма. Чтобы быть зачисленным сверх нее, Слоним вынужден был выискивать дополнительные основания кроме желания доучиться. В своем прошении он написал:

«Ходатайство мое о зачислении обуславливается:

1) тем обстоятельством, что я как военнообязанный вернулся в Россию для отбывания воинской повинности и не мог ввиду войны возвратиться в Италию для продолжения образования, и что таким образом я являюсь пострадавшим от войны.

2) до войны и во время моего пребывания в России по возвращении из Италии я находился и нахожусь на иждивении дяди моего, доктора Льва Исаевича Айхенвальда, состоящего ныне в действующей армии. Мое семейное положение таково: у меня нет отца, мать мою поддерживает мой старший брат, а меня дядя, помощь которого является единственной для меня поддержкой. Дядя мой состоит ныне врачом 305-го полевого запасного госпиталя; с самого же начала военных действий, т. е. с 19-го июля 1914 г. по январь сего года, он состоял врачом 190 пехотного Очаковского полка и удостоился боевых отличий: орденов Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом».¹⁸

М. Слонима зачислили сверх нормы на первый курс историко-филологического факультета на историческое отделение в философскую группу.¹⁹

Параллельно с учебой он писал и печатался.

В сентябре 1916 г., получив отпускное свидетельство, поехал в Петроград, чтобы перевестись в тамошний университет. Начался обмен телеграммами, сбор справок, где в числе прочего говорится о четырех зачтенных в ИНУ семестрах.²⁰ Наконец в ноябре 1916 г. его зачислили на четвертый курс романо-германского отделения петроградского университета.²¹

Одновременно Слоним налаживает связи с местными эсерами и становится руководителем кружка во 2-м флотском экипаже.

В это же время его статьи охотно печатают в уважаемых столичных толстых журналах. Не прекращаются публикации в Одессе. В ГАОО хранятся три письма М. Слонима к С. Штерну²² о собственных литературных делах и о привлечении питерских писателей к сотрудничеству в «Одесском листке». Последнее – от 20 февраля 1917 г.

23-го в столице начались забастовки. «Революция пришла неожиданно быстро, с могучей силой и молниеносной победой».²³ Тут на первый план вышла партийная работа.

«Вскоре стали говорить, что Москва и Петроград – не Россия, надо ехать в провинцию».²⁴ Слоним получил мандат от партии эсеров для работы на юге России.

О приезде в Одессу делегата исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, члена партии эсеров М.Л. Слонима «Одесский листок» сообщил 5 мая.

Марк Львович включился в работу одесского эсеровского комитета и Румчерода.²⁵ Публиковал статьи на темы дня в печатном органе Румчерода – «Голосе революции».

За май-июль по газетам прослеживается около двадцати его выступлений в разных аудиториях: о программе с-р, о политическом моменте... В «Урании» прочитал цикл лекций по истории социализма. Есть отзыв об участии Слонима в благотворительном вечере, на котором «виднейшие местные лидеры представленных в Одессе политических течений» рассказали об истории политических партий в России. Корреспондент подчеркивал, что выступавшие критиковали друг друга научно, по-европейски корректно. Правда, иногда начинала «проглядывать партийность докладчика (М. Слоним), пытающегося в страстной, красивой по внешности и форме речи оправдать террор как орудие политической борьбы».²⁶ (Есть возможность составить представление о том, что он тогда говорил: темы некоторых докладов совпадают с главами книги М. Слонима «История русской революции», выпущенной издательством М.С. Козмана.)

Только в номере «Одесских новостей» от 27 июля 1917 г. Слоним фигурирует трижды. Он выступал на проходившем в цирке

объединенном собрании представителей всех партий. Участвовал в выборах правительственного комиссара. (Его имя даже прозвучало в числе кандидатов, но он не баллотировался.) На заседании исполкома совета рабочих депутатов о реформировании «Известий СРД» М. Слонима ввели в коалиционную редакционную комиссию.

Но вскоре одесская фаза закончилась. Не сработавшись с влиятельным человеком П. Деконским²⁷, Слоним попросился на работу в Бессарабию. Именно от Бессарабии впоследствии был избран членом Учредительного собрания. После разгона – в Петрограде пробыл недолго.

Ко времени заключения Брестского мира он уже вернулся в Одессу. 29 марта 1918 г. подал прошение о переводе его из петроградского в новороссийский университет, записался на лекции весеннего семестра. Но учеба явно не стала основным занятием.

Ситуация была совсем не та, что год назад: немецкая оккупация плюс попытка создания независимого украинского государства.

Изменились темы выступлений и диспутов: «Украина и Россия», «Какой государственный язык должен быть на Украине»...

Но главное – изменилось отношение эсеров к большевикам и способам борьбы с ними. Если в июле 1917 г. Слоним призывал «отказаться от личных и кружковых счетов и всем демократическим силам держаться единым фронтом»²⁸ против контрреволюционеров, то теперь он готовился к вооруженной борьбе против советской власти.

В мае 1918 г. Марка Слонима назначили редактором эсеровской газеты «Народное дело», выходившей в Киеве. В августе он получил от Самарского правительства предложение присоединиться к Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания (правые эсеры считали его единственной законной властью). Для этого надо было пересечь советскую территорию, а потом линию фронта.

Как рассказывал сам Слоним, за некоторые поступки ему уже грозил арест, поэтому перед отъездом пришлось уйти в подполье.

По той же причине он и в Одессу попрощаться с родными приехал тайно. Это были последние два дня в родном городе.

На слова брата о смертельной опасности задуманной поездки он ответил так, как во все времена отвечают добровольцы: «Что я скажу ребенку, который когда-нибудь спросит: «Папа, где ты был, когда немногие отважные и честные люди, жертвуя собой, проливали кровь?»».

30.XI.16

Многоуважаемый Сергей Федорович,
спешу написать Вам о результатах моих телефонных звонков:

Д.В. Философов²⁹ в данную минуту болен – простудился, и мне не удалось с ним поговорить. Едва он оправится и начнет подходить к телефону, я совершу на него самый энергичный натиск.

На днях читал в «Листке» статью Александра – результат моих неоднократных звонков ему.

Бурцев³⁰ все обещает, но от статьи увиливает, я с ним уже говорил по телефону, а завтра утром заеду к нему лично.

Шумскому³¹ и Тэффи³² буду звонить завтра с утра.

Через неделю вышлю Вам фельетон для рождественского № в виде диалогов – «Finig Europe», а затем – для новогоднего – «Романы Уильяма Локка». Подойдет? Или хотите какую-нибудь экзотику?

Впрочем, я ведь ее давал в прошлом году, когда мне не повезло с рождественским и новогодним фельетонами: первый пошел до... Рождества, а второй после... Нового года.

Учитывая «предподписочный» период, начиная с 1-го декабря, буду посылать Вам по возможности живые и злободневные статейки: о «Журнале журналов» (статья скандальная, которую потом будут ругать в этом самом «Журнале журналов», или, как его здесь называют – «Журнале нахалов»), о театрах, о выставках и т. д.

С начала января буду иметь возможность организовать «срочную почту».

Когда Вы собираетесь в Петроград? Буду искренно рад повидать Вас.

Сейчас я много работаю и в университете, и в области литературы. Я получил приглашение работать в «Вестнике Европы» и поэтому больше не гонюсь ни за какими журналами. С января начну там печататься. В феврале там же пойдет моя большая статья о Кардуччи³³.

На праздники поеду на недельку отдохнуть в деревню, а к новому году – опять сюда.

Пожалуйста, не стесняйтесь, пишите, что нужно сделать. С удовольствием выполню Ваши поручения.

Спасибо за хлопоты с «Голосом Юга»; Горшкову³⁴ я писал, марку приложил, но ответа не имею.

Всего хорошего.

Готовый к услугам

Ваш

Марк Слоним.

Петроград 24.XII.16

Многоуважаемый Сергей Федорович,

надеюсь, что почта не сыграет никаких штук с моим письмом, и оно вовремя принесет Вам мои поздравления и искренние пожелания всего хорошего к Новому году. Пусть этот Новый год будет радостным для Вас, благоприятным для «Листка» – а для всех нас пусть начнет действительно новую и творческую общественную жизнь.

Буду очень рад повидать Вас в январе. Мы с Вами сговоримся насчет более систематической и планомерной информации, насчет «столичных корреспондентов» и пр. Надо Вам сказать, что на Шумского надежда весьма плоха: он явно уваливает и, очевидно, трудно будет что нб от него достать.

С Тэффи было следующее: я ее вызвал раз, другой. В конце концов она пообещалась даже юмореску, но попросила еще раз позвонить. В назначенный срок я это сделал – и услышал от прислуги: «барыня только что уехали в Москву». Поэтому об участии юморески я сильно беспокоюсь. Философов одну статью, вняв моим увещаниям, послал, хотя он все болен.

Бурцев выразил желание посмотреть, что собою представляет Листок.

Я повез ему ряд №№. Он... «обещал»... Тугой народ!

С января я надеюсь аккуратно и систематически посылать Вам срочную почту. У меня и сейчас есть много материала – но, увы, оглашению он не подлежит.

Я имею полную возможность писать в «Речи» – но, вероятно, раньше конца января не сумею использовать ее за недостатком времени: у меня спешная работа для трех статей – в «Вестник Европы»,

в «Северные записки» и «Ежемесячный журнал» Миролюбова. В январских книгах «Вестника Европы» и «Вестника воспитания» идут 2 мои статьи. А тут еще университет, театры, чтение для себя! Работы так много, что я принужден был отказаться от приглашения в деревню и сию здесь все праздники.

Ну – я разболтался.

Еще раз – всего, всего хорошего.

Поклон Вашей жене.

Ваш Марк Слоним

Петроград 20.II.17

Многоуважаемый Сергей Федорович,

у меня к Вам небольшая просьба:

Я посылаю в «Листок» небольшую заметочку об «увечных воинах» и, следуя примеру некоторых здешних журналистов, хотел бы пожертвовать гонорар за эту заметочку в пользу фонда для увечных воинов при Всероссийском союзе городов. Вы меня очень обяжете, если распорядитесь послать деньги от моего имени в фонд.

Не нужно ли Вам чего нб в Петрограде? Быть может, попросить кого нб о пасхальном №. У меня мои литературные дела идут прекрасно. Приглашен заведовать целым отделом в «Ежемесячном журнале» Миролюбова.

Всего хорошего

Ваш М. Слоним

Примечания

¹ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 39, оп. 5, д. 21, л. 35. ИНУ – Императорский Новороссийский университет.

² ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 27, л. 20.

³ Там же, ф. 39, оп. 5, д. 71, л. 104 об. Если М. Слоним родился все же в Одессе, то дом, где это произошло, сохранился: Успенская, 44, угол Ришельевской. В руинизированном состоянии пока стоит еще один, где жила семья до 1911 г., – Екатерининская, 61. Более поздние: Белинского, № 22 и № 26, – не сохранились.

- ⁴ Интервью радио «Свобода». <https://dlc.library.columbia.edu/catalog/cul:9ghx3ffdb8>. У его отца с местом рождения тоже путаница: в списках студентов ИГУ первый раз указана Черниговская губерния, а потом – Волынская.
- ⁵ ГАОО, ф. 45, оп. 4, д. 238, л. 4.
- ⁶ Интервью радио «Свобода».
- ⁷ Лебединцев Всеволод Владимирович (1881-1908) – астроном, эсер, член боевой организации.
- ⁸ Интервью радио «Свобода».
- ⁹ ГАОО, ф. П-2, оп. 1, д. 453, л. 12. По И.Г. Короленко возбуждалось дело о проверке принадлежности его к партии эсеров.
- ¹⁰ Интервью радио «Свобода».
- ¹¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГИАК, Киев), ф. 385, оп. 1, д. 2727, л. 4.
- ¹² Там же, л. 167.
- ¹³ ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 7.
- ¹⁴ Там же, л. 9.
- ¹⁵ С. Гардзонио. Слоним многоликий // Знамя. – 2017, № 9.
- ¹⁶ Интервью радио «Свобода».
- ¹⁷ ГАОО, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 6.
- ¹⁸ Там же, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 9 – 9 об.
- ¹⁹ Там же, л. 9; Там же, ф. 45, оп. 1, д. 921, л. 3.
- ²⁰ Там же, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 26.
- ²¹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 921, л. 4; Там же, ф. 45, оп. 5, д. 12146, л. 23.
- ²² Сергей Федорович Штерн (1886-1947) – фактический редактор «Одесского листка», кадет.
- ²³ Слоним М. История русской революции. – Одесса, с. 97.
- ²⁴ Интервью радио «Свобода».
- ²⁵ Румчерод – Центральный исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа (Херсонская, Таврическая, части Подольской и Волынской губерний). Румчерод по составу был меньшевистско-эсеровским, поддерживал Временное правительство.
- ²⁶ Боров. Где истина (Лекция в Драматическом театре) // Одесский листок. – 1917, 16 июля, с. 3.
- ²⁷ Петр Деконский – председатель комитета с-р. Позже выяснилось, что до революции он был секретным сотрудником полиции.
- ²⁸ Слоним М. На тему дня // Голос революции. – 1917, 11 июля, с. 2.
- ²⁹ Философов Дмитрий Владимирович (1872-1940) – литератор.

³⁰ Бурцев Владимир Львович (1862-1942) – публицист, издатель, прославился разоблачением провокаторов.

³¹ Вероятно, Шумский Константин Маркович, настоящая фамилия Соломонов (1876-1938) – военный корреспондент.

³² Тэффи Надежда Александровна, настоящая фамилия Бучинская (ур. Лохвицкая) (1872-1952) – писатель.

³³ Кардуччи Джозуэ (1835-1907) – итальянский поэт.

³⁴ Горшков Дмитрий Степанович (1870 – ?) – редактор-издатель выходившей в Елизаветграде газеты «Голос Юга».

